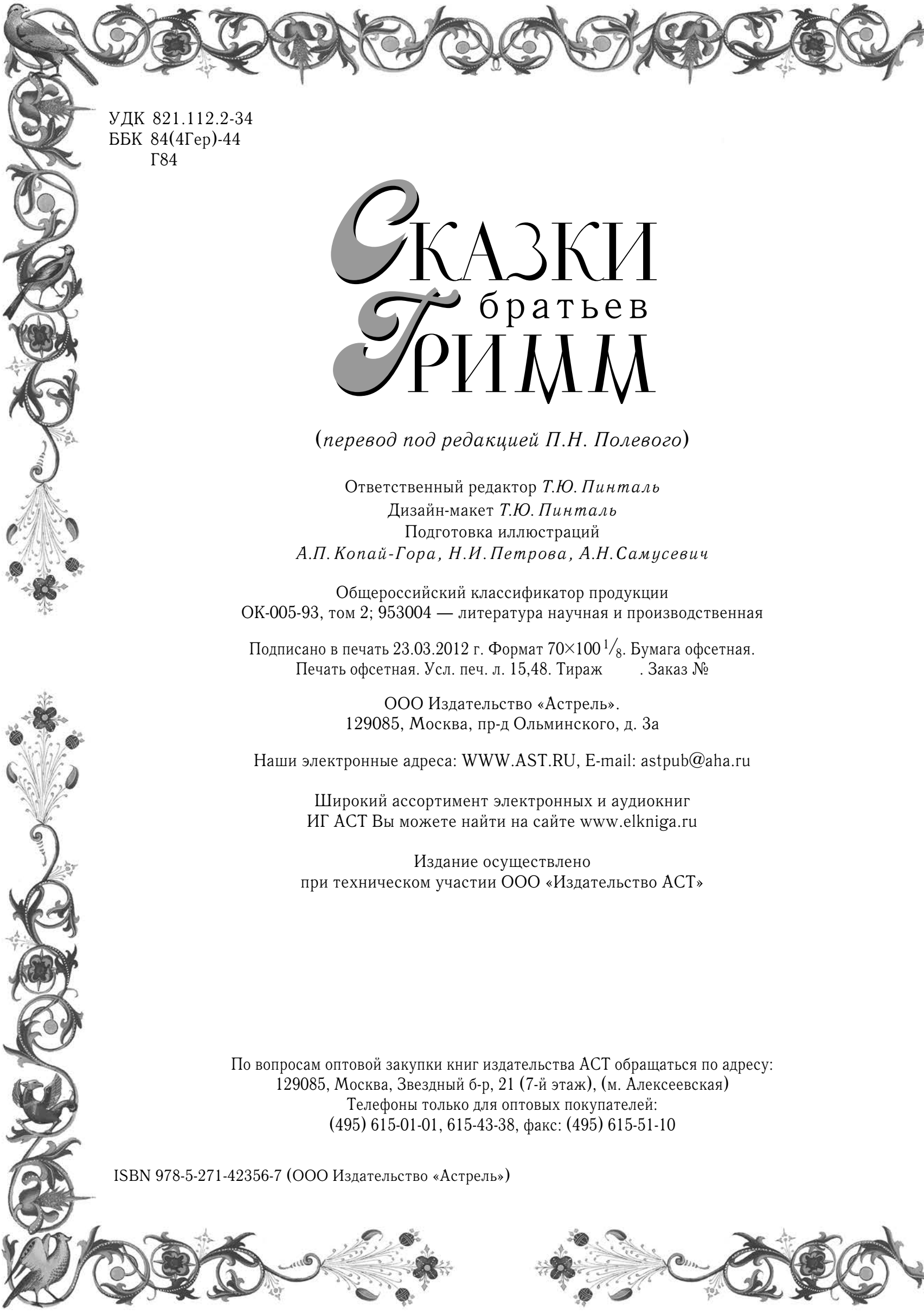

КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД
И КЛАССИЧЕСКИЕ
ИЛЛЮСТРАЦИИ

УДК 821.112.2-34
ББК 84(4Гер)-44
Г84

СКАЗКИ братьев ГРИММ

(перевод под редакцией П.Н. Полевого)

Ответственный редактор *Т.Ю. Пинталь*

Дизайн-макет *Т.Ю. Пинталь*

Подготовка иллюстраций

А.П. Копай-Гора, Н.И. Петрова, А.Н. Самусевич

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953004 — литература научная и производственная

Подписано в печать 23.03.2012 г. Формат 70×100¹/₈. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,48. Тираж . Заказ №

ООО Издательство «Астрель».
129085, Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU, E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Издание осуществлено
при техническом участии ООО «Издательство АСТ»

По вопросам оптовой закупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
129085, Москва, Звездный б-р, 21 (7-й этаж), (м. Алексеевская)
Телефоны только для оптовых покупателей:
(495) 615-01-01, 615-43-38, факс: (495) 615-51-10

ISBN 978-5-271-42356-7 (ООО Издательство «Астрель»)

СОДЕРЖАНИЕ

БРЕМЕНСКИЕ МУЗЫКАНТЫ	4
УДАЧНАЯ ТОРГОВЛЯ	7
ТРИ ПРЯХИ	10
ГОСПОЖА МЕТЕЛИЦА	12
КОЛОКОЛЬЧИК	15
УМНАЯ ЭЛЬЗА	18
БЕЛАЯ ЗМЕЯ	21
МИЛЫЙ РОЛАНД	24
ХЛАМУШКА	27
ДОМОВЫЕ	29
ГВОЗДИКА	32
ОДНОГЛАЗКА, ДВУГЛАЗКА И ТРЕХГЛАЗКА	36
БЕССТРАШНЫЙ КОРОЛЕВИЧ	41
ШЕСТЬ ЛЕБЕДЕЙ	45
ШИПОВНИЧЕК	49
БЕЛЯНОЧКА И РОЗОЧКА	52
ГУСЯТНИЦА У КОЛОДЦА	57
СТОПТАННЫЕ БАШМАКИ	63
ЧЕРТ И ЕГО БАБУШКА	67
РУСАЛКА В ПРУДУ	70
ПОДАРКИ МАЛЕНЬКИХ ЛЮДЕЙ	74
ИСКУСНЫЙ ВОР	76
СЕМЕРО ШВАБОВ	82
ЖИВАЯ ВОДА	85
ЧУМАЗЫЙ БРАТЕЦ ЧЕРТА	89
СТАРУШКА В ЛЕСУ	92

Бременские музыканты

Был у одного хозяина осел, который много лет подряд таскал да таскал кули на мельницу, да наконец-таки обессилел и стал уже к работе почти непригодным. Хозяин решил тогда, что не будет его больше кормить, но осел вовремя догадался, что дело не к добру клонится, и убежал от хозяина. Он направился по дороге в город Бремен, решив, что станет там уличным музыкантом.

Прошел он сколько-то по дороге и наткнулся на легавую собаку, которая лежала на дороге и тяжело дышала: видно было, что бежала издалека. «Ну, что ты так запыхалась, Хватайка?» — спросил осел. «Ах, постарела ведь я да ослабла и к охоте негодна становлюсь, — ответила собака. — Так ведь хозяин-то мой убить меня собрался! Ну, я и удрала из дому! Да вот только не знаю, как мне теперь на хлеб заработать?» — «А знаешь ли, что я придумал? — сказал осел. — Я иду в Бремен и собираюсь там быть уличным музыкантом. Пойдем вместе, поступай тоже в му-

зыканты. Я стану на лютне играть, а ты в медные тарелки бить». Собака согласилась с удовольствием, и пошли они дальше вместе.

Немного прошли они и повстречали на дороге кота; сидит хмурый такой, пасмурный. «Ну, тебе что не по нутру пришлось, Усатый?» — спросил осел. «Небось не очень развеселишься, когда до твоей шкуры добираться станут! — ответил кот. — Из-за того, что я стар становлюсь и зубы у меня притупились и что я охотнее сижу на печке да мурлычу, чем мышей ловлю, хозяйка-то моя вздумала меня утопить. Я, конечно, от нее улизнул, но вот теперь не знаю: где голову преклонить?» — «Пойдем с нами в Бремен. Ведь ты по ночам вон какую музыку разводишь — значит, и в уличные музыканты годишься». Коту совет показался дельным, и он отправился с ними в дорогу. И вот, довелось нашим трем беглецам проходить мимо одного двора. Видят они: сидит на воротах петух и орет что есть мочи. «Чего ты это орешь во всю глотку так, что в ушах трещит?» — спросил его осел. «Да вот я предсказал на завтра хорошую погоду, — сказал петух, — потому что завтра Богородицын день, но из-за того, что завтра, в воскресенье, к нам гости будут, хозяйка все же без жалости велела меня зарезать на суп, и мне сегодня вечером, наверное, свернут шею. Ну, я и кричу во все горло, пока могу». — «Ишь ведь, что выдумал, красная головушка! — сказал осел. — Да тебе же лучше с нами уйти! Пойдем с нами в Бремен. Все это лучше смерти будет! Да и голос у тебя такой славный: если мы все вместе заведем музыку, так это будет очень и очень недурно».

Понравилось петуху это предложение, и вот они все четверо направились дальше.

Однако же за один день им не удалось добраться до Бремена. Вечером пришли они к лесу, где и задумали заночевать. Осел и собака легли у корня большого дерева, кошка и петух забрались в его ветви, а петух взлетел даже на самую вершину дерева, где ему казалось всего безопаснее.

Прежде чем глаза сомкнуть, он еще раз огляделся во все стороны и вдруг показалось ему, что вдали что-то светится: вот он и крикнул товарищам, что где-то неподалеку есть жилье, потому что огонек мерцает.

Осел сказал: «Ну, тогда надо с места сниматься и еще-таки вперед брести, потому что тут приют у нас неважный». Собака при этом подумала, что пара косточек да мясца кусочек ей были бы очень кстати.

Вот и пошли они на огонек, а огонек светил все ярче, становился больше и больше — и наконец вышли они к ярко освещенному дому, который был разбойничьим притоном.

Осел был повыше всех, поэтому подошел к окошку, да и стал смотреть. «Что ты там видишь, Серый?» — спросил петух. «Что вижу? Накрытый стол, а на нем и яства, и питье, и разбойники за столом сидят и угощаются». — «Это бы и для нас не вредно было!» — заметил петух. «Да, да, хорошо бы и нам быть там!» — согласился осел.

Тогда стали все между собой совещаться, как бы им ухитриться разбойников из дома выгнать...

Наконец-таки нашли способ. Осел должен был упереться передними ногами в подоконник, собака вспрыгнуть ему на спину, кошка взобраться на спину собаки, а петух должен был взлететь и сесть кошке на голову. После этого по данному знаку все разом принялись за свою музыку: осел заревел, собака залаяла, кот замыкал, петух стал кукарекать. А потом все вломились в дом через окно, так что рамы задребезжали.

Разбойники, заслышав этот неистовый рев, повскакивали со своих мест — им показалось, что в окно лезет какое-то страшное привидение, и они в ужасе разбежались по лесу.

Тут уселись наши четверо приятелей за стол, принялись за остатки ужина и так наелись, как будто им предстояло голодать недели три.

Покончив с ужином, все четверо музыкантов загасили огни в доме, и каждый стал

себе искать удобную постель сообразно своему вкусу.

Осел улегся на навозе, собака прикорнула за дверь, кошка растянулась на очаге около теплой золы, а петух взлетел на шесток. И так как они все были утомлены своим долгим странствованием, то и заснули очень быстро.

Когда минула полночь и разбойники издали увидели, что огни в их доме погашены и все, по-видимому, спокойно, их атаман ска-

зал им: «Чего это мы сдуру так испугались?» — и велел одному из шайки пойти к дому и поразведать.

Посланный увидел, что все тихо, и вошел в кухню, чтобы раздуть огонь. Он подошел к очагу, а там кошачьи глаза светятся! Разбойник решил, что это горячие угли, и ткнул в них серной спичкой, чтобы огня добыть. Но кот шутить не любил: как вскочит, как фыркнет обидчику в лицо да как цапнет!

Разбойник с перепугу бросился к черному ходу, но тут собака сорвалась со своего места да как укусит его за ногу!

Он пустился напрямик через двор мимо навозной кучи, а осел как даст ему задней ногой!

В довершение всего петух на своем шестке от этого шума проснулся, встрепнулся и заорал во всю глотку: «Ку-ка-ре-ку!»

Побежал разбойник со всех ног к атаману и доложил: «В доме нашем поселилась страшная ведьма! Она мне в лицо дохнула и своими длинными пальцами расцарапала! А у дверей стоит человек с ножом — он мне им в ногу пырнул! А на дворе дрыхнет какое-то черное чудище, которое на меня с дубиной накинулось. А на самом-то верху сидит судья да как крикнет: “Давай его, плута, сюда!” Едва-едва я оттуда ноги уволок!»

С той поры разбойники не дерзали уж и носа сунуть в дом, а четверым бременским музыкантам так в нем понравилось, что их оттуда ничем было не выманить.

Кто их там видал, тот мне о них рассказал, а я ему угрожал — эту сказку сложил.

Удачная торговля

Однажды мужик отвел свою корову на базар и продал ее там за семь талеров. На обратном пути ему довелось проходить мимо одного пруда, из которого далеко кругом разносилось кваканье лягушек: «Ква, ква, ква, ква!» — «Ну да, — стал он говорить сам себе, — мелют по-пустому: семь талеров я выручил, а не два!»

Подойдя к самой воде, он и лягушкам крикнул: «Глупое вы зверье! Небось лучше меня знаете? Семь талеров, а не два!»

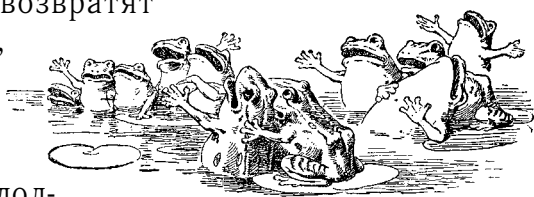
А лягушки-то все на своем: «Ква, ква, ква!» — «Ну, коли вы не верите, так я вам сочту».

Вытащил деньги из карманов и пересчитал все семь талеров, раскладывая по двадцать четыре гроша на каждый.

Однако лягушки не сошлись с ним в счете и опять затаили ту же песню: «Ква, ква, ква!»

«Коли так, — крикнул мужик, разгневавшись, — коли вы полагаете, что знаете дело лучше меня, так нате же, считайте сами!» — и швырнул им деньги всей кучей в воду.

Постоял он на берегу некоторое время, намереваясь обождать, пока они справятся со счетом и возвратят ему деньги, но лягушки настаивали на своем, продол-

жая по-прежнему голосить: «Ква, ква, ква», — да и денег ему не возвращали.

Подождал мужик еще немало времени, пока не наступил вечер и не понадобилось ему идти домой; тогда он выругал лягушек и крикнул им: «Ах вы, водошлепницы! Ах вы, толстоголовые, пучеглазые! Рыло-то у вас широкое и кричать вы горазды, так что от вас в ушах трещит, а семи талеров пересчитать не умеете! Или вы думаете, что я тут буду стоять и дожидаться, пока вы со счетом справитесь?»

И пошел прочь от пруда, а лягушки-то ему вслед: «Ква, ква, ква», — так что он и домой пришел раздосадованный.

Сколько-то времени спустя выторговал он себе корову, заколол ее и стал рассчитывать, что, если бы ему удалось выгодно продать ее мясо, он бы столько выручил за него, сколько стоили ему обе коровы, да еще шкура у него в барышах бы осталась.

Когда он с мясом подъезжал к городу, то перед самыми городскими воротами наткнулся на целую стаю собак, сбжавшихся сюда. И впереди всех — огромная борзая; так и прыгает около мяса, и разнюхивает, и лает: «Дай, дай, дай!»

Так как она все прыгала и все лаяла, то мужик и сказал ей: «Ну, да! Вижу я, что ты недаром говоришь: “Дай, дай”, а потому что говядинки хочешь... Ну, хорош же я был бы, кабы точно взял да и отдал бы тебе говядину!»

А борзая все то же: «Дай, дай». — «Да ты скажи мне: ты ее не сожрешь сама и за товарищей своих ответишь?» — «Дай, дай», — лаяла по-прежнему собака. «Ну, коли ты на этом настаиваешь, так я тебе говядину оставлю; я тебя знаю и знаю, у кого ты слу-

жишь. Но я тебя предупреждаю: через три дня чтобы мне были готовы деньги, не то тебе плохо придется: ты можешь их мне потом и сюда вынести».

Затем он свалил говядину и повернул домой; собаки тотчас на нее набросились с громким лаем: «Дай, дай!»

Мужик, издали прислушиваясь к этому лаю, сказал себе: «Ишь, теперь все от нее своей доли требуют, ну, да мне за всех одна эта большая ответит».

Когда минуло три дня, мужик подумал: «Сегодня вечером у меня деньги будут в кармане», — и очень был этим доволен. Однако же никто не приходил и денег не выплачивал. «Ни на кого-то теперь положиться нельзя», — сказал он наконец, потеряв терпение, пошел в город к мяснику и стал у него требовать свои деньги.

Мясник сначала подумал, что он с ним шутки шутит, но мужик сказал: «Шутки в сторону: мне деньги нужны! Разве ваша большая собака три дня назад не приволокла сюда мою битую корову?» Тогда мясник разозлился, ухватился за метловище и выгнал мужика вон. «Погоди ужо! — сказал мужик. — Есть еще справедливость на свете!» — и пошел в королевский замок и выпросил себе у короля аудиенцию.

Привели его к королю, который сидел рядом со своей дочерью, и тот спросил его, какой ему ущерб учинился. «Ах, — сказал мужик, — лягушки и собаки у меня отняли мою собственность, а мясник меня же за это палкой попотчевал», — и подробно рассказал, как было дело.

Королевна, услышав этот рассказ, не выдержала — громко расхохоталась, и король сказал мужику: «Рассудить твое дело я не могу; но зато ты можешь взять мою дочь себе в жены. Она еще отродясь не смеялась, только вот сегодня ты ее рассмешил, а я обещал ее тому в жены, кто сумеет ее рассмешить. Ну, вот и благодари Бога за свое счастье!» — «О, да я вовсе и не желаю на ней жениться! — ответил мужик. — У меня дома уже есть одна жена, да и ту мне девать некуда. Если я на твоей дочке женюсь да домой вернусь, так что же мне — по уголкам их, что ли, расставлять прикажешь?»

Тут король не на шутку прогневался и сказал: «Ты грубиян!» — «Ах, господин король! — возразил мужик. — Вестимое дело: на свинке не шелк, а щетинки!» — «Ладно,

ладно, — ответил король, — я тебе другую награду назначу. Теперь проваливай, а денька через три возвращайся, тогда тебе все пять сот отсыплют сполна».

Когда мужик стал выходить из замка, один из стражей королевских сказал ему: «Ты королевну нашу рассмешил, так уж, верно, получишь за это хорошую награду». — «Кажись, что не без того, — ответил мужик. — Пять сотен мне будут выплачены». — «Слышь-ка, мужик! — сказал солдат. — Удели мне малую толику. Куда тебе такая уйма денег!» — «Ну, разве уж для тебя — куда ни шло! Получай двести! Так-таки заявись к королю денька через три и прикажи тебе именно столько выплатить».

Еврей-ростовщик, случившийся поблизости и подслушавший их разговор, побежал за мужиком вслед, ухватил его за полу платья и говорит: «Ай-ай-ай, что вы за счастливчик такой! Я вам деньги разменяю, я вам их мелочью выплачу, куда вам с этими битыми талерами возиться?» — «Мойше, — сказал мужик, — триста еще есть на твою долю, только выплати их мне сейчас мелкой монетой: дня через три король тебе их уплатит».

Ростовщик обрадовался барышу и выплатил мужику всю сумму стертыми слепыми грошами — такими, что три гроша двух хороших не стоят.

По прошествии трех дней мужик согласно приказу короля явился пред его ясные очи.

«Ну, снимайте с него платье долой, — сказал король, — он должен получить свои пять сотен сполна». — «Ах, — сказал мужик, — эти пять сотен уже не принадлежат мне: две сотни я подарил солдату вашей стражи, а за три сотни ростовщик уже уплатил мне мелочью. По справедливости мне уже ничего получать не следует».

И точно: явились к королю и солдат, и еврей-ростовщик, и стали требовать своей доли в награде мужика, и получили надлежащее количество ударов.

Солдату это было дело знакомое, и он вынес свою порцию ударов терпеливо; а ростовщик все время жалобно кричал: «Ай-ай! Ай, какие крепкие талеры!»

Король, конечно, посмеялся проделке мужика, и, поскольку гнев его прошел, он сказал: «Так как ты свою награду потерял еще ранее, нежели получил ее, то я тебя награжу иначе: ступай в мою казну и возьми себе денег, сколько хочешь».

Мужик не заставил себе этого дважды повторять и набил в свои глубокие карманы, сколько влезло. Потом пошел в гостиницу и стал считать деньги. Ростовщик туда же за ним приполз и слышал, как тот ворчал себе под нос: «А ведь этот плут-король все же провел меня! Дай он мне денег сам, так я бы хоть знал, что у меня есть. А теперь, как я могу точно знать, сколько я наудачу в карман насыпал?» — «Ай-ай, — залепетал про себя ростовщик, — да он непочтительно смеет говорить о нашем государе! Побегу и донесу на него, тогда и я награду получу, и мужика накажут».

И точно: когда король услышал о речах мужика, он пришел в ярость и приказал пойти и привести провинившегося.

Ростовщик побежал к мужику. «Пожалуйте, — говорит, — тотчас к господину королю; как есть, так и ступайте». — «Нет, уж я лучше знаю, как к королю идти следует, — ответил мужик. — Сначала я велю себе сшить новое платье. Или ты думаешь, что человек, у которого так много денег в кармане, может идти к королю в каком-нибудь старье?»

Ростовщик увидел, что мужик заупрямился и без нового платья к королю не пойдет; а между тем, пожалуй, и гнев у короля пройдет: тогда ни ему награды, ни мужику наказания не будет. Вот он и подъехал к мужику: «Я вам из одной дружбы могу на короткое время чудесное платье ссудить. Отчего человеку не услужить по душе?!»

Мужик на это не возражал, надел платье и пошел в замок.

Король потребовал у мужика отчета в тех непочтительных речах, о которых донес ему ростовщик. «Ах, — сказал мужик, — ведь уж известное дело: этот тип что ни скажет, то соврет... От него разве можно правды ждать? Ведь вот он, пожалуй, станет утверждать, что я его платье надел». — «Ай, вей! Что такое? — закричал ростовщик. — Разве платье не мое? Разве я не из одной дружбы вам его ссудил на время, чтобы вы могли перед господином королем явиться?»

Услышав это, король сказал: «Ну, кого-нибудь из нас двоих — либо меня, либо мужика — он все-таки надул!»

И приказал ему еще отсчитывать малую толику битыми талерами.

А мужик отправился домой и в новом платье, и с деньгами и говорил себе по пути: «Ну, на этот раз я, кажись, в самый раз потрафил».

Три пряжи

Жила-была на свете девица-ленивица и прясть не охотница, и как бы мать ее к тому ни принуждала, а заставить прясть не могла. Наконец до того дело дошло, что мать однажды не вытерпела, рассердилась и побила дочку, а та стала во весь голос плакать.

Как раз в это время ехала мимо королева и, когда услышала плач, приказала лошадей остановить, вошла в дом и спросила мать, за что она так бьет свою дочь, что ее крики слышны даже на улице.

Матери совестно было обнаружить лень своей дочки, и потому она сказала: «Да вот никак ее от пряжи не отбить — все хочет прясть да прясть, а я-то бедна и не могу для нее постоянно иметь лен наготове».

Тогда королева ответила: «Я более всего люблю прясть и более всего бываю довольна, когда вокруг меня шуршат колеса прялок. Отпустите вашу дочь со мной в мой замок — там у меня льна довольно, она сможет себе прясть, сколько душе угодно».

Мать была радешенька, и королева увезла ее дочку с собой. По приезде в замок королева повела девушку наверх и показала ей три комнаты, снизу доверху полнешеньких чудеснейшего льна.

«Вот перепряди мне весь этот лен, — приказала королева, — и когда перепрядешь, я тебя отдам замуж за моего старшего сына. Я даже не посмотрю на то, что ты бедна, — твое неутомимое старание заменит тебе богатое приданое».

Бедная девушка перепугалась: она не могла и представить, как перепрясть такую гору льна, хотя бы она над ним и триста лет

просидела и работала бы с утра до вечера не покладая рук.

Оставшись одна, она стала плакать и так три дня просидела, пальцем не шевельнув.

На третий день пришла королева и очень удивилась, увидев, что еще ничего не напрядено. А девушка извинялась тем, что она очень скучает по дому и по матери своей и потому не начала еще работать.

Королева выслушала девицу, но, уходя от нее, сказала: «С завтрашнего дня ты должна начать работать».

Когда девица опять осталась одна, то уж решительно не знала, что ей делать, и в горе подошла к окошку.

Вдруг видит, входят во двор три женщины: у одной нога широкая-преширокая и приплюснутая, у другой нижняя губа такая большая, что на подбородок отвисла, а у третьей большой палец на руке огромный!

Они остановились перед окном, взглянули наверх и спросили девушку, о чем это она горюет.

Она стала жаловаться им на свою беду, и тогда они предложили ей свою помощь и сказали: «Если ты нас к себе на

